

ДОБРАЯ АЛЛА

ГОЛОГРАМ

16+

Алла Добрая

Голограм

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Добрая А.

Голограм / А. Добрая — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-06544-4

В прямом эфире социальной сети Голограм убита популярный глогер Лерон. Незадолго до этого некто под ником Добролюб выложил в сеть ее личную переписку, что привело к блокировке глогаунта и череде серьезных проблем. Но самое страшное ожидало впереди. Понять, кто и почему вынес Лерон столь беспощадный приговор, будет непросто.

ISBN 978-5-532-06544-4

© Добрая А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Алла Добрая

Голограм

Книга является художественным произведением. Любое совпадение мест и событий, а также сходство имен и персонажей с людьми как ныне живущими, так и ушедшими – случайны и являются плодом фантазии автора.

Поколению Z посвящается

«Часы за тридцать и за триста долларов
показывают одно и то же время».

С. Джобс

Старший лейтенант Петр Незабудько дождался, когда остальные сотрудники займут свои места в кабинете генерала Савельева и включил запись вчерашнего выпуска программы «Вечер со звездами».

Редакторы дали ему громкое название «Жизнь и смерть напоказ». СМИ в очередной раз, мастерски раздув костер ажиотажа вокруг преступления с участием медийной персоны, теперь с удовольствием смаковали подробности.

Ведущий Влад Бессмертный, приняв скорбное выражение лица, произносил очередной заученный текст:

«Жертва преступления – популярный глогер сети Голограм Валерия Полянская. Ник в сети – Лерон. Лера Полянская стала известна широкой публике после участия в нашумевшей презентации приложения Голограм, созданного на базе инновационного смартфона глован. Быстро набрав стомиллионную аудиторию, прекрасная жена и заботливая мама тройняшек, она неистово пропагандировала здоровый образ жизни и модный нынче фейсбилдинг. Именно ее голограмма чаще всего всплывала на смартфонах мамочек в декрете и не только. Ее глоги смотрела весьма разноплановая аудитория, включая мужчин. Аттракционы невиданной щедрости, которые Лера традиционно проводила поздно вечером, ждали с нетерпением, а лоты в виде смартфонов глован, дорогих часов, автомобилей и даже квартир притягивали огромное количество новых подписчиков. Каждый из них хотел стать не только обладателем шикарных призов, но и жить, как Лерон: красиво, успешно и главное – легко, не прикладывая к этому особых усилий. Я лично знал Леру, она принимала участие в моей новой программе «Звездная ночь». Это была очень красивая, дерзкая девушка, которая упрямо двигалась к своим целям...».

Влад Бессмертный смахнул невидимую слезу и продолжил:

«Должен признать, что незадолго до этого страшного преступления, позиции Леры в Голограм заметно пошатнулись. Некто под ником Добролюб выложил в сеть ее личную переписку, после чего поклонники стали массово отписываться от глогаунта Леры. Она изо всех сил пыталась восстановить потерянную аудиторию, но никто не мог и предположить, что все закончится столь печально».

Ведущий горько и довольно фальшиво вздохнул.

«Сейчас я попрошу отойти от экранов детей и людей с неустойчивой психикой, – скорбно произнес Влад Бессмертный. – Через секунду вы увидите повтор сенсационной записи последнего прямого эфира Лерон, который так безжалостно прервала смерть. Но скажу сразу, из него можно сделать очевидный вывод: это никакой не несчастный случай, а изощренное, жестокое преступление. Что же стало мотивом и почему подписчики столь безжалостно обошлись со своим некогда кумиром, мы обсудим сразу после короткой рекламы. Оставайтесь с нами!».

Генерал Савельев снял очки, потер переносицу и сказал:

– Петр, приостанови пока. Ты говорил, есть запись презентации Голограм с участием Полянской?

– Есть, сейчас включу, – ответил Незабудько.

Под эффектное музыкальное сопровождение и девиз «Коснись Будущего», пошли кадры презентации, на которой Клим Поляков – легендарный российский программист – представлял в России новую социальную сеть и революционный смартфон.

«Приложение Голограм – это успешный результат нашего сотрудничества с компанией ВиаТэд – лучшим производителем цифровых кинокамер, а теперь и разработчиком смартфона глован, – рассказывал гостям Клим Поляков. – Благодаря набору уникальных опций смартфона и возможностям нашего приложения вы можете владеть и управлять личной голограммой. Это бесспорно позволит глован уже на старте уйти в убедительный отрыв от всех существующих мобильных флагманов. Впервые вы сможете видеть не просто картинку или запись. Теперь каждому владельцу смартфона глован доступна личная голограмма и просмотр голограмм других пользователей. Впрочем, у вас есть выбор – использовать привычный или более продвинутый формат, который поддерживает только наш смартфон».

Клим коснулся дисплея и под восхищенные возгласы присутствующих, словно из воздуха выросла голограмма девушки. Выглядела она фантастически. Точеная фигура, длинные волосы, собранные в замысловатую прическу и голос в принципиально новом акустическом звучании, создавали завораживающий эффект. В зале раздались восторженные возгласы и аплодисменты.

Девушка представилась Валерией Полянской, коротко рассказала о себе, своей семье и программе привилегий для первого миллиона ее подписчиков в сети Голограм.

«Обратите внимание, насколько реальной выглядит голограмма, – продолжил презентацию Клим. – Изображение плотное, не расплывается, не пропадает, не деформируется при смене угла зрения. Уверен, сейчас большинство из вас мысленно, а кто-то – и вслух, произнесли слово «фантастика»».

Через секунду на сцену вышла настоящая Лера Полянская. Публика снова аплодировала, а Лера изящно кланялась, красиво прижимая руки к высокой силиконовой груди, которую она сделала в обмен на рекламу в социальной сети, из которой теперь активно призывала переходить в более совершенную – Голограм.

Клим, действительно, представил миру принципиально новую версию мобильного приложения.

«Кроме уникальной опции – голограмма, здесь масса других возможностей. Теперь вам не нужно переходить в другую программу, чтобы довести до максимального совершенства свой глог или сделать из короткого репортажа – фантастическое видео, – говорил он. – Приложение на базе данного смартфона позволяет делать это быстро и качественно. Плюс – в Голограм есть классный мессенджер mood-one, что можно перевести, как «единое настроение». Он также работает в режиме «голограмма». На старте продаж в комплекте с глованом идут уникальные очки с встроенными наушниками. При касании дужки очков Голограмм начнет озвучивать новости тех друзей, которых вы внесли в группу «Свои» и, если пожелаете, приложение покажет их видео и картинки в режиме «голограмма».

– Вот это да! – раздался голос из зала.

– И вы, наверняка, обратили внимание на звук, – продолжил Клим. – Согласитесь, он бесподобен. А спецэффекты – это вообще отдельная тема. Их столько, что вы почувствуете себя асом киномонтажа».

В этот момент на экране появляется голограмма кудрявой темноволосой девочки. Она, играючи, сняла несколько видео и тут же смонтировала клип высокого уровня сложности на глазах изумленной публики.

«Моя дочь – Аврора Полякова, – гордо представил ее Клим и продолжил, – как видите, все настолько просто, что справится и пятилетний ребенок».

Под восторженные крики «браво», Поляков завершил презентацию:

«Господа, купив этот, не имеющий аналогов смартфон с уже загруженным приложением Голограм, вам останется только одно – получать ранее неизведанное удовольствие от общения на кардинально новом уровне».

– Красавчик! – Восхищенно произнес Петр Незабудько, откинув назад светлую челку.

Свежий цвет лица, неизменный румянец на скулах и молодежный стиль одежды делали его похожим на студента-первокурсника.

Генерал Савельев, которому недавно исполнилось шестьдесят четыре, согласно кивнул.

– Да, прогресс не стоит на месте. Между прочим, Голограм набрал по миру уже пять миллиардов пользователей. А это, на минуточку, больше половины всех живущих на планете Земля.

Сотрудники отдела, как всегда, с улыбкой переглянулись, оценив осведомленность начальника в области технологий.

– Я правильно понимаю – это тот самый Поляков, что проходил свидетелем по делу Калибри? – уточнил генерал.

– Тот самый, – подтвердил Петр Незабудько. – Тогда он был простым программистом, а сейчас – владелец уникальной голографической сети в мире и нереально богатый чувак. Приятно, конечно, сознавать, что наш соотечественник продвинулся на мировой уровень. Живет теперь с семьей в Америке, на склонах Санта-Моника, как и положено крутышам, вроде Илона Маска...

– Незабудько, мы уже поняли, что ты безмерно восхищен Поляковым. Но давай уже ближе к российской действительности и в частности к нашему делу, – остановил поток информации Савельев. – Давай, включай продолжение первой записи.

– Теперь менее приятное взору видео, – прокомментировал Петр.

На нем Лера Полянская лежит в большой ванне. Голые загорелые плечи эффектно смотрятся на фоне пышной пены. Играет легкая музыка. Ванная комната подсвечена высокой лампой и множеством свечей. На нижних веках глогера – черные патчи, в ушах – посверкивают крупные бриллианты.

Она начинает свой аукцион традиционной фразой: «Дорогие мои, любимки...». Но голос ее срывается, а в глазах – не просто волнение, а настоящий, животный страх.

«Сегодня будет необычный розыгрыш. Я, я..., – ее губы задрожали. – Сегодня я проведу свой аттракцион щедрости с единственным лотом...».

В этот момент Лера уже не может сдержаться и начинает рыдать. В ванной комнате явно находится еще человек. Лера умоляюще смотрит на него снизу вверх и с трудом продолжает:

«В течение трех минут я разыграю свою... жизнь, – в отчаянии произносит она. – В вашей власти – оставить ее мне или забрать. Как вы проголосуете, так и будет», – обреченно произносит Лера и включает счетчик опроса.

На экране стремительно понеслись комментарии подписчиков и случайных зрителей, подключившихся к прямому эфиру. Следом на той же скорости отображались цифры голосования.

«Пожалуйста, умоляю, умоляю..., – шептала Лера, сложив руки, как в молитве.

Через три минуты таймер замер. Лера расширенными зрачками смотрит на результат голосования. А через секунду уже корчится в оседающей пене под смертельным действием тока от включенного и опущенного в воду немецкого фена, который она планировала разыграть в этом прямом эфире. Свет резко гаснет.

Петр остановил запись, и на экране застыла жуткая картина. Мгновенно потемневшая кожа и черные патчи, в полумраке мерцающих свечей делали из Лерон идеального персонажа фильма ужасов.

Капитан Рита Российская сморщила нос, словно ощутила запах сторевшей кожи.

– Во сколько прибыли на место, кто вызвал полицию и кто обнаружил труп? – произнес генерал, открывая папку с протоколом.

Майор Фатрушев откашлялся и простуженным голосом ответил:

– Мы приехали на место двадцать минут первого. Коллеги из округа уже работали. Со мной были криминалист Разумилов и патолог Антонов. Полицию вызвали сразу много человек: подписчики Полянской и ее знакомые, смотревшие прямой эфир, а в двадцать три часа девять минут позвонил муж Полянской. Он же и обнаружил труп. Няня – Мария Василенко, девяностого года рождения, вместе с детьми в это время находилась в московской квартире Полянских. По ее словам, Лера велела мужу увести детей в Москву, потому что ей нужно было... – Олег тер виски и кажется, терял мысль. – Ей было нужно в спокойной обстановке отнять глоги. В общем, чтобы ей не мешали.

– Во сколько?

– Что? – не понял вопроса Фатрушев.

– Майор, ты стал страдать тугоумием? – недовольно произнес Савельев. – Во сколько муж уехал из дома в Москву?

Фатрушев покряхтел, полистал свои записи и, почесав за ухом, ответил:

– Я, походу, упустил этот момент...

Савельев хмыкнул.

– Ты что, первый день замужем?

– Валентин Семенович, да я...

– Что – ты, Фатрушев?

– Виноват, товарищ генерал, уточню.

– Да уж, будь добр.

Генерал передвинул очки со лба на нос и прочитал:

– «Следов присутствия посторонних людей в доме не обнаружено». При этом из видеозаписи совершенно ясно, что преступник находился в ванной. Что, так уж никаких следов?

– Так точно, – подтвердил Фатрушев. – В ванной комнате был относительный порядок. По словам Полянского все находилось на своих местах, не считая фена. Он был разбит у основания, видимо для того, чтобы оголить провода. На теле убитой при внешнем осмотре следов борьбы не замечено. Скорее всего, она запустила эфир уже после того, как преступник озвучил ей свои условия. Ни постороннего голоса, ни чужого изображения на записи. Сам смартфон найден не был. Ни дозвон, ни определение по локации не дали результатов. Как в воду канул.

– Про воду – это для красного словца, или на самом деле рядом есть водоемы?

– Реально рядом есть озеро, – ответил Фатрушев. – Его сегодня будут осматривать водолазы.

– Значит, следов нет..., – задумчиво произнес Савельев.

– Да, посторонних следов нет, – подтвердил Фатрушев. – В доме, у каждой входной двери стоит специальная машинка, она приклеивает к подошве плотную пленку, типа бахил. Возможно, поэтому и нет следов. Ночью еще дождь прошел, и во дворе тоже, как говорится, смыло все следы.

– Прямо внезапное вторжение инопланетян, – улыбнулся Петр.

– Вот только давайте мне тут без фантастических предположений, – произнес Савельев, нервно махнув на него рукой.

Он снова углубился в чтение протокола, потирая указательным пальцем правую бровь, что означало крайнюю степень недовольствия.

– Фомин, а ты чего отмалчиваешься? – не поднимая глаз, спросил генерал.

Полковник Егор Фомин, до этого момента не произнесший ни слова, взглянул на часы и ответил:

– Товарищ генерал, специалисты изучают запись прямого эфира. Он стоял на автоматическом сохранении. Обещали заключение сегодня к вечеру.

– К вечеру! – проворчал Савельев. – Черт знает что! А почему не через месяц?

– У них завал, – пояснил Фомин.

– Завал у них. Невероятно большой поток убийств в прямом эфире?

Все решили предусмотрительно промолчать. Когда генерал принимался отчитывать сотрудников за медлительность, лучше было не вступать с оправданиями.

– Долго будем молчать? Как преступник проник в дом?

– Замки на месте, взломов не обнаружено, – сказал Фатрушев.

– Последние звонки, контакты? – спросил Савельев.

– Отправили запрос оператору. Ждем распечатку.

– Недалеко проходит трасса, запрос гаишникам сделали?

– Сделали, товарищ генерал. Но на этом промежутке дороги камеры не установлены, – ответил Олег.

– Кто в поселок въезжал-выезжал в этот вечер?

– В поселок через пост охраны в этот вечер въезжали водитель Полянской – Виктор Прибытков и Полянский на своей машине, – докладывал Фатрушев. – Коттеджный поселок еще не полностью заселен, с постоянно проживающими – всего несколько домов, остальные – бывают наездами.

– Опросили всех? – спросил Савельев.

– Да, – слукавил Олег, успевший опросить только одну соседку. – В доме, расположенном непосредственно рядом с домом Полянских, живет пожилая женщина, но она тоже никого не видела. Их дома стоят на одной линии и соседей можно видеть только с боковой стороны и то, через забор. А забор у Полянских сплошной, кирпичный, так что женщина не могла видеть, что происходит на их территории. К тому, же по ее словам, в это время шел сериал, она немного глуховата, включает телевизор громко и в такие моменты не отвлекается.

– Что говорит охранник – во сколько въехал на территорию поселка автомобиль Полянского и во сколько – машина водителя? – уточнил Савельев.

– Шлагбаум жители поселка поднимают каждый своим пультом. Время, когда водитель вместе с Лерой Полянской въехал на территорию, он помнит точно, потому что по первому каналу начались вечерние новости, которые тот не пропускает. Это – восемнадцать часов. Что касается машины самого Полянского: когда он с няней и детьми выезжал, охранник вообще не видел. А вот когда тот возвращался вечером – помнит, но опять же, примерно. Тогда шел уже футбол, и в окно охранник поглядывал лишь изредка. По его словам, Полянский проехал через пост в районе двадцати трех часов. Второй тайм подходил к концу, плюс было назначено дополнительное время.

– У соседей – сериалы, у охраны – футбол. Идеальные условия для преступления. Орать будут, никто не услышит, – проворчал Савельев. – А что показывают регистраторы в машинах водителя и Полянского?

Фатрушев нервно крутил в руках шариковую ручку.

– Еще не снял показания, товарищ генерал.

– Ты что, майор, совсем сбрендил? Ты меня сегодня не просто удивляешь. У меня такое чувство, что ты мозги свои дома оставил.

На несколько минут в кабинете повисла напряженная тишина. Савельев снова углубился в протокол первого осмотра.

– Как себя вел муж? – задал он новый вопрос.

Фатрушев потер воспаленные от бессонной ночи глаза и ответил:

– Мне не понравилось, как он себя вел.

– Мне твои симпатии и антипатии не интересны. Факты давай.

– Слушаюсь, факты. Муж потерпевшей – Александр Яковлевич Полянский, 20 января 1988 года рождения, адрес по прописке: Москва, Рочдельская, дом одиннадцать, квартира двадцать пять. Адрес по месту фактического проживания: Московская область, поселок Юсуповский, улица Прибрежная, дом четыре. Официально не трудоустроен, так же как и потерпевшая. Тоже – глогер. Старательно изображал горе, пытался выдавить слезу, но глаза оставались сухими. При этом очень нервничал, постоянно вытирал вспотевшие ладони о фартук.

– Какой еще фартук? – переспросил генерал.

– Обычный, кухонный. У него – кулинарная страница в Голограм. Сказал, что вернулся домой в двенадцатом часу, сразу прошел на кухню и начал готовиться к видеосъемке.

– По времени получается, что он находился в доме во время убийства? – произнес Савельев.

– Верно, – подтвердил Фатрушев. – И по его словам он узнал о том, что рядом, в ванной комнате – труп жены, только из звонка подруги Полянской.

– А что говорят другие соседи – из тех домов, что заселены? Может что-то подозрительное рядом на территории поселка видели? Или ты снова «что-то упустил»? – задал серию вопросов Савельев.

В ответ Фатрушев выдал серию глубоких вздохов, потом поерзал на стуле, почесал за ухом и в конце, сделав виноватое лицо, что-то пробормотал себе под нос.

– Фомин, может быть, ты произнесешь что-то более членораздельное? Какие варианты по мотивам? – спросил Савельев, делая пометки в своем ежедневнике.

– Я согласен с Олегом – больше всего подозрений вызывает муж, – ответил Фомин. – Если регистратор покажет, что он приехал до одиннадцати, то надо вызывать и допрашивать. Надеюсь, регистратор установлен.

– Если регистратор это покажет, то его не в отдел уже надо, а в КПЗ. Ты с него подписку хотя бы взял? – спросил генерал Фатрушева.

– Так точно, – ответил Олег.

– Что по няне?

– Мы утром прозвонили домашний телефон московской квартиры Полянских, – сказал Егор. – Но трубку никто не взял. Видимо, она с детьми уже вернулась в дом.

– И теперь они с Полянским прекрасно смогут договориться. Скажи за это спасибо своему товарищу. – Савельев кивнул в сторону Фатрушева. – Он должен был снять с нее показания еще ночью, в крайнем случае – утром.

Фатрушев никак не отреагировал на очередной упрек, лишь нервно потер подбородок.

– Товарищ генерал, разрешите? – спросила Рита Российская.

– Слушаю, – пробурчал генерал.

– Есть одна версия, – начала Рита. – Насколько успели, мы изучили часть публикаций погибшей. Так вот, полгода назад в прямом эфире Голограм ей делали пластическую операцию на грудь и, скорее всего, в обмен на рекламу клиники. Даже не делали, а перedelывали. Так как ранее она ставила импланты в другой клинике, и все это мероприятие рекламировала в прежней социальной сети. Судя по ее текстам в Голограм, тот результат ее не устроил, и она масштабно критиковала хирурга, называя его косоруким Франкенштейном.

– А вот я недавно смотрел ужастик, – вступил Петр, – там чувак переделал себя полностью для того, чтобы, в первую очередь – морально и душевно ему стало легче жить. В новом теле, то есть. Так вот он каждый день записывал, как меняется его сознание, отношение к миру и себе. И прикиньте, однажды он листает свои записи и понимает, что последняя полностью

совпадает с первой, которая была до операции. То есть ничего по итогу не изменилось, лучше не стало. Все было зря, напрасно!

– Очень ценная информация, Незабудько, – произнес Савельев.

– Простите, не подумал, – извинился Петро.

– Вы последнее время вообще редко думаете, – проворчал генерал. – Фамилия хирурга и кто его допрашивал?

Маргарита отрыла ежедневник.

– Евгений Кироянц. Его местонахождение пока неизвестно. По прописке не проживает. Созванивались с участковым, тот сказал, что по слухам, после скандала доктор уволился, или его попросили уволиться, он запил, жена бросила. Одно время Кироянц жил по месту прописки, потом исчез. Ищем.

В этот момент дверь без стука распахнулась, и в кабинет вошел судмедэксперт Леонид Антонов.

– Разрешите? – весело произнес Леня и, не дождавсь ответа, плюхнулся в кресло.

– Докладывай, – произнес Савельев.

– Время смерти – двадцать три часа, плюс минус минуты, все совпадает с прямым эфиром. Причина, как и предполагалось, поражение электрическим током. Смерть наступила мгновенно от опущенного в воду мощного фена, основание которого было предусмотрительно разбито и провод частично оголен. Фен – на экспертизе, Разумилов пришлет свое заключение через час. Но! Дамочка была не жилец, даже если бы на нее и не покусился немецкий волосоукладчик.

– Что это значит? – удивился Савельев.

– Цирроз печени. Я, конечно, отправил ткани на анализ, но визуально все очевидно. Кровь я посмотрел сам. А что, ваша потерпевшая подбухивала или что-то покрепче?

– Откуда нам знать, Антонов? – раздраженно произнес Савельев. – Она такая же наша, как и ваша. Докладывай, на чем основаны выводы?

– Во-первых, в крови присутствует алкоголь – ноль целых, восемь десятых промилле, что соответствует паре бокалов вина. Не так много, но при этом еще и высокая доля присутствия медикаментозных препаратов. Каких точно, скажу позже. Поглядим, конечно, что «скажут ткани», но для меня картина очевидна и весьма печальна. Жизненно-важный орган молодой женщины выглядит, как у алкоголика с многолетним стажем.

– Цирроз? – удивилась, до того молчавшая Рита Российская. – Как такое может быть? Она же ярая эпэшница!

Сотрудники отдела повернули головы в сторону Маргариты, желая услышать разъяснения незнакомой аббревиатуры.

– ЗП – это здоровое питание, – пояснила она. – А эпэшницы – те, кто его придерживается. Я, кстати, была подписчицей Леры Полянской до некоторого времени.

– Почему отписалась? – спросил Петр Незабудько.

– После ее разоблачения, как и многие. Хотя раньше мне очень нравились ее видео с домашними упражнениями. Они помогли мне... В общем, это неважно, – смутилась Рита.

Фомин взглянул на жену и в очередной раз подумал, как же ему повезло. Еще недавно, убежденный холостяк Фомин теперь не мог представить своей жизни без Риты и сына Платона.

После непростых родов Рита поправилась и приложила немало усилий, чтобы вернуть телу былую форму. Семья, кроме новорожденного Платона и старика пса Маффина, перешла на здоровое питание, которое вплотную затронуло и Егора. Из солидарности с Ритой Фомин был вынужден забыть о котлетах с макаронами и пиве с чипсами. Утром он ел каши с какими-то непонятными наполнителями, а вечерами – белок в виде куриной грудки и сложносочиненный набор овощей. Пока Рита была в декрете, Егор иногда в служебной столовой смаковал жареную картошку с жирным бифштексом, о чем потом честно признавался жене. Маргарита

лишала его ужина, предлагая выпить лишь кефир, и требовала дать клятву верности здоровому питанию.

К счастью, жена быстро привела в форму свое и так идеальное тело, по мнению Егора, и к нему вернулись и пиво, и чипсы, и котлеты с макаронами.

– О каком разоблачении идет речь? – уточнил Савельев.

– Это – история с кроликами. Примерно полгода назад ее глогаунт заблокировали. Точная причина известна только владельцам приложения, но я подозреваю, что массовая отписка произошла в виду обнародованной личной переписки Полянской.

– Это я понял из видео. Подробности. – Потребовал Савельев.

– Некий доброжелатель под ником Добролюб выложил в сеть переписку Лерон с ее пиар-директором Арменом Микояном, – продолжила Маргарита. – В ней Полянская называла своих подписчиков не иначе, как глупые кролики и требовала новых стратегий их развода. Как вариант продвижения и увеличения подписок, Лера часто устраивала розыгрыши призов, которые называла аттракционами невиданной щедрости. Ими нельзя злоупотреблять, иначе рискуешь потерять доверие подписчиков. Лера злоупотребляла, но не это в итоге привело к плохим последствиям, а та самая переписка. Точнее ее обнародование. Чувства подписчиков были оскорблены, многие отписались. А из-за массовой отписки система, видимо, сочла глогаунт вредоносным и заблокировала.

Савельев снова потер пальцем правую бровь.

– Так, с кроликами более-менее понятно. К следующей оперативке на моем столе должны лежать данные на этого Добролюба.

– Есть, – ответила Рита.

Фомин выдержал паузу и добавил:

– Боюсь, что данные на пользователя Голограмм мы сможем получить только через запрос в Америку.

– Это проблема?

– Это могло стать проблемой, если бы владельцем сети не был тот самый Поляков. Есть надежда, что он предоставит нам нужную информацию.

– Значит, делайте запрос и ко вторнику мне на стол – не полудохлые версии, как вы это любите делать во время раскочки, а обоснованную информацию по всем подозреваемым, с четкими мотивами. Фомин, все упущенные допросы восполнить.

– Есть, товарищ генерал.

– На данный момент вы абсолютно не подготовлены, пришли на оперативку с полупустой информацией, а кое-кто с абсолютно пустой головой.

Савельев из-под очков выразительно посмотрел на Фатрушева.

– По поводу СМИ: с ними общаться осторожно, не дразнить. Ежу понятно, что они сейчас не успокоятся – такая вкусная тема, которую можно обсуждать бесконечно, чего мы себе позволить не можем. Руководство уже требует результатов. И они должны быть.

– Понял, товарищ генерал, – сказал Фомин.

– Свободны. – Произнес Савельев и, развернув кресло в сторону экрана, включил на повтор запись последнего эфира Полянской.

– Эх, а не подкрепиться ли нам, товарищи, прямо с самого начала этого замечательного утраца? – Бодрым голосом предложил патологоанатом Леня Антонов, всегда прибывающий в отличном настроении, несмотря на специфику своей профессии.

Ничего не имея против дельного предложения, все направились в столовую. Рита, по инерции глядя на то, что кладет на свою тарелку муж, мысленно размышляла о Полянской.

«Печально закончила свой путь Лерон. Столько усилий, бессонных ночей с проведением розыгрышей и мгновенное фиаско. Потом новая попытка восстать из пепла, и в итоге – такая

жуткая смерть в прямом эфире. Вот уж на самом деле: жизнь и смерть напоказ. Несчастные дети остались без матери, и муж.... А вот степень печали мужа надо бы проверить. Фатрушев упомянул, что тот старательно изображал горе».

Олег Фатрушев взял большой стакан с компотом, выпил залпом и потянулся к новому.

– Эй, что происходит? – спросил его Фомин.

Олег вытер тыльной стороной ладони вспотевший лоб и с высоты двухметрового роста взглянул на Егора.

– Ничего. Временные трудности, – попытался он отшутиться.

– Из-за этих трудностей ты так безобразно провел осмотр места? – произнес Егор.

Рите показалось, что Фомин на что-то намекает Фатрушеву.

– Съезжу и все исправлю, я же сказал, – раздраженно произнес Фатрушев.

– Давай завязывай с этими трудностями, Олег. Слишком много их у тебя в последнее время. Савельев прав – осмотр проведен отвратительно. О родителях потерпевшей и ее мужа, вообще ни слова, – не удержался и отчитал его Фомин.

Рита аккуратно встала между Фоминым и Фатрушевым.

– Прошу прощения, что вступаю в ваш грубый мужской диалог. Но считаю необходимым добавить, что, судя по глогам Полянкой – кроме упомянутых вами родственников, имелись еще кухарка, садовница и домработница в одном лице – женщины пожилого возраста. А также, ранее упомянутый, личный водитель Полянкой.

– Аффигеть! – воскликнул Петр. – А что, муж той глогерши – олигарх?

– Она сама зарабатывала, как олигарх, – ответила Рита. – Один выход рекламы у нее стоил миллион.

– Долларов?

– Рублей. Но таких реклам у нее на день было штук десять, не меньше. А на спонсирование ее аттракционов щедрости – вообще заоблачные цены. И все равно пользовались спросом. Я читала, что она этих спонсоров еще отбирала, не со всеми соглашалась работать.

– Аффигеть, – повторил Петр, ставя поднос на стол у окна.

– Завидуешь, Петя? – улыбнулась Рита, присаживаясь на стул, вежливо подвинутый Незабудько.

Егор заметил и улыбнулся.

– Конечно! – Ответил Петр. – Ничего не делать, просто показывать свою жизнь, полную удовольствий и получать за это бешеные бабки.

– А ты заведи свой глогаунт, выкладывай записи с места преступлений и тоже станешь звездой Голограм, – предложила Рита.

– Осторожнее с такими советами, Маргарита. Он сейчас воспримет их всерьез, и мы потеряем ценного и воспитанного кадра. Я уж молчу о том, куда это приведет его, как сотрудника, – улыбнулся Фомин.

Петр отложил приборы и задумался.

– Петя, я пошутила, – сказала Рита, коснувшись его руки. – Это, и правда, приведет тебя совсем не туда, где живут большие деньги.

– Ой, други мои, с такой темой проще завоевать мировую известность мне с моими трупами, – весело поддержал разговор патологоанатом Ленья. – Я несколько раз на день могу снимать глоги. И до препарирования, и после, и во время.

Олег Фатрушев швырнул вилку в тарелку и встал, шумно отодвинув стул.

– Приятного аппетита, – произнес он и вышел из столовой, так и не прикоснувшись к еде.

– Что это с ним? – удивился Егор.

– Не знаю, – ответил Петр. – С утра чумной ходит.

Выйдя из здания Управления, майор Фатрушев прошел в специально отведенное место и закурил. В кармане пиджака загудел телефон.

– Да, – недовольно произнес Олег.

Пару минут послушав непрерывный поток речи, он грубо его прервал:

– Я все понял еще вчера. Может, уже хватит мне мозг выносить?

Со злостью вдавив окурок в высокую, хромированную пепельницу, он открыл в телефоне папку с фотографиями. Полистав их, Олег одним касанием удалил все, выкурил еще сигарету и вернулся в отдел.

Войдя в кабинет, он натолкнулся на недовольный взгляд Фомина.

– Теперь когда, наконец, все соизволили вспомнить о деле, мы продолжим, – произнес Фомин. – Еще раз, коротко: у кого какие версии?

Рита привычным движением затянула резинкой волосы в хвост, кинула в рот леденец из металлической коробочки с надписью «Монпансье» и сказала:

– Эта версия, честно говоря, мне самой кажется слабоватой, но тем не менее. Как говорится, на безрыбье и рак – креветка. Помните, на записи ведущий Влад Бессмертный упомянул, что Лера недавно принимала участие в его ночной программе?

– Да, он еще сказал, что знал Полянскую лично, – добавил Петр.

– Так вот, – продолжила Рита, – я смотрела этот выпуск. Это был довольно жесткий баттл между молодыми, успешными глогерами и дамами «лакшери-герлс», тоже успешными, но уже не столь молодыми. Этакое, а-ля светское общество родом из девяностых. В конце битвы, за отсутствием аргументов Лерон плеснула алкоголем в лицо своей оппонентке, муж которой – скандально известный чиновник из министерства по взаимодействию с зарубежным бизнесом. Михаил Свицких.

– Чем скандален? – уточнил Егор.

– Он, то журналисток домогается, то ездит по встрече в открытом кабриолете с песней «А я уеду жить в Лондон». Известны так же случаи рукоприкладства в отношении его помощников по работе и девушек с низкой социальной ответственностью, услугами которых он систематически пользуется. Сейчас в сети поклонники Леры активно обсуждают, как он на своей странице угрожал Лере. Я внимательно перечитала комментарии под тем эфиром, а также зашла в его глогаунт, но никаких угроз не обнаружила. Наверное, удалил.

Егор сделал запись в блокноте.

– А из-за чего начался этот сыр-бор? – уточнил он.

– Все началось с того, что жена мусорного короля Анжелика Кошель на праздновании дня рождения модного журнала выдвинула претензию молодым глогерам. Она там выпила лишнего, забралась на стол и кричала, что они не имеют права носить бренд Чукачу. А подруги Кошель, в том числе и Милана Свицких, ее активно поддержали.

– Рит, ты у нас самая модная в Управлении, у тебя есть вещи от этого Чукачу? – улыбнулся Петр.

– Нет, Петя, для меня этот бренд – дремучая классика, я такое не ношу.

– Так, еще раз, – произнес Егор, который вообще не смотрел телевизор и не значился ни в одной из социальных сетей, – я не понял: поводом для инцидента и последующей за ним программы на федеральном канале стала тема «кто, что носит»?

– Да, и еще каким поводом, – подтвердила Рита. – Программу потом продублировали в интернете, и выпуск посмотрели несколько миллионов человек.

Егор, покачивая головой, снова сделал пометку в ежедневнике.

– Мир сошел с ума, – прокомментировал он. – Ладно. Версия с чиновником на самом деле слабовата, но навестить Свицких надо. И хирурга этого – срочно найти и...

– ... обезвредить, – шутливо добавил Петр.

– Это тебя обезвредит Савельев, если на следующую оперативку придешь ни с чем, – сказал ему Егор. – Хватит шуток, Петро. На вас с Маргаритой – хирург и друзья-подруги. И продолжайте изучать публикации Полянской в Голограмм, ее самые частые контакты, общение и всё, что нам может помочь. Как только придет распечатка звонков, сразу в работу.

– Хорошо, поняла, – кивнула Рита.

Взглянув на Фатрушева, Егор добавил:

– Олег, мы с тобой сначала заедем на Рочдельскую, потом – в дом Полянских, устранять недочеты первичного осмотра. И хорошо бы сегодня успеть навестить пиар-директора. Вопросы есть?

Олег, уставившись в одну точку, о чем-то тревожно размышлял. Желваки его ходили ходуном, воспаленные глаза слезились. Услышав свое имя, он спросил:

– Егор, а может быть, я с Российской – к хирургу, а Петро – с тобой?

Под молчаливым взглядом Фомина Олег отвернулся и принялся ощупывать карманы.

– Ладно, – недовольно произнес Фатрушев и, достав пачку сигарет, начал задумчиво крутить ее в руках. – А хотя бы уйти пораньше можно?

– Что происходит, Олег? – спросил Фомин, с трудом скрывая раздражение.

Оно накрывало Егора всегда, когда информация лежала на поверхности, но ему не удавалось ее считать.

– Светка просила пораньше сына забрать из сада. У них там карантин.

– Дети – это святое, – разрешил Фомин и посмотрел на Риту, ответный взгляд которой выразительно говорил: лжет.

Лера Полянская вошла в гардеробную комнату, размером с приличную гостиную. Медленно пройдя мимо полки, она задержала взгляд на костюме с этикеткой «CHUKACHU».

Приложив к себе белый жакет в черную крапинку, она склонила голову и оценивающе взглянула в большое зеркало.

– Чего все так бьются за этот Чукачу. Все модели какие-то... как из позапрошлого века, – презрительно произнесла Лера, швырнув жакет на пуф. – Если бы мне не платили такие бабки за рекламу, никогда бы на свои деньги не купила и не одела бы.

Лера задумалась.

– Одеда или надела? – произнесла она вслух.

Лерон вспомнила недавний разговор с Арменом: «Красавица, нельзя говорить о-дела, когда речь идет о себе. Грамотно – на-дела. Запомни правило: о-деть Надежду, на-деть одежду».

– Армянский умник, блин, – скривилась Лера.

Она взглянула на часы, встроенные в стену и удивилась, что ее смартфон ни разу за утро не издал и звука.

Поняв, что он разрядился, Лера поставила телефон на зарядку. Издав стандартный звук, он быстро включился и следом, один за другим, посыпались уведомления о звонках и сообщениях.

Лера села на пол, затянутый светлым ковролином и прочитала в мессенджере: «Подруга, ты уже в курсе, как тебя и чупа-чупса приложила старушка Кошель?».

Лера потерла ладонью правый бок и принялась набирать номер телефона Марон, в миру – Марины Мироновой.

– Мариш, привет.

– Привет, Лерон.

– Я не поняла, ты о чем?

– Сейчас перешлю тебе утренний высер Кошель. Ты же поняла, о ком я?

– Жена мусорного короля?

– Да. Она уже выложила видео вчерашней вечеринки. Эта мадам устроила там целый скандал из-за того, что тебе Чукачу дал свой костюм бесплатно, а она, видите ли, вынуждена за него платить.

– Да плевать на нее сто раз. А как она меня связала с Бон-Бон?

Совместное упоминание с именем известной представительницы эскорт-услуг, Лере не понравилось больше всего. Недавно ей донесли, что ее пиар-директор взялся за продвижение Бон-Бон. Лера устроила ему грандиозную взбучку, и тот клятвенно пообещал, что доведет этот месяц, поскольку ему уже заплатили, а дальше продлевать договор не будет.

– Это было на дне рождения журнала «Luxury Girls»? – уточнила Лерон.

– Да. Куда нас с тобой, кстати, почему-то не пригласили.

– Меня звали, я отказалась. Вчера вообще не до вечеринок было, жутко болел бок.

– Сходи к врачу, – формально посоветовала Марон.

– Да все некогда, кручусь как белка. Сама знаешь – кредит на дом сам себя не выплатит.

Так чем там все закончилось?

– Короче, Кошель увидела Бон-Бон в костюме от Чукачу, крепко приняла на грудь, забралась на стол и начала орать, что, мол, сначала всяким недоглогершам стали бесплатно раздавать новинки бренда, а теперь еще и проститутки начали в них надевать...

– Правильно говорить о-девать, – задумчиво произнесла Лера.

– Не умничай, – резко сказала Марон.

– Это не я, – оправдалась Лера, – это Арчи все учит меня русскому.

– Умник армянский. Отгадай, с кем была Бон-Бон?

– Не тяни.

– С твоим умником Арчи. Правда, как только пошел наезд на Бон-Бон, он технично слился.

– Он был с ней? Вот гад! Он же обещал не иметь с ней никаких дел!

Причина ненависти Лерон к Инессе Придубайло, в сети – Бон-Бон, была проста. Инесса переспала с Полянским во время беременности Леры, которая часто лежала на сохранении. Когда обманутая жена, узнав про адюльтер, выставила за дверь чемоданы с его вещами, Александр несколько часов простоял на коленях, вымаливая прощение. Он объяснял свой проступок отсутствием душевной близости и понимания в семье, искренне считая недопустимым пиар на беременности.

Лера его простила, но с тех пор Инесса стала для нее врагом номер один во всех пространствах, и реальном, и виртуальном.

– Бабки не пахнут. Ему платят, он продается, – равнодушно произнесла Марон.

– Ладно, с ним я разберусь. А чем все закончилось, я так и не поняла?

– Судя по видео, выложенном в не сильно любимой нами антик-группе ФБР, Кошель кричала, что до самого Лондона доберется, где базируется Чукачу и всем там впишет «по самое чукачу», – хохотала Марон.

– Крейзи баба, – произнесла Лерон. – А что в коментах?

– Вся ее жидкая подписота – за нее, как иначе. Видео она выложила недавно, но в комментариях уже жарошка. Так что давай, подруга, реагируй.

– Ладно, давай. Пока.

Лера открыла страницу Анжеллы Кошель, нашла видео и пробежала взглядом по комментариям. Подписчики Кошель активно поддерживали своего кумира презрительными комментариями в адрес Лерон и Бон-Бон.

– Сволочи! – сквозь зубы произнесла Лера, коснувшись команды «вызов» напротив имени Армен.

Спустя три минуты над экраном смартфона появилась голограмма сонного Армена Микояна. Даже искусственная картинка не могла скрыть изрядной помятости его лица на фоне несвежей постели.

– Спишь?! – грозно произнесла Лера.

– Сплю, – смачно зевнув, ответил Армен.

– А ты просыпайся, старая вонючка!

Спросонья Армен никак не мог понять, что от него хотят.

– Красавица, не ори, прошу. Моя голова сейчас треснет.

– Она треснет не сейчас, а когда я к тебе приеду и разобью твою алчную головешку!

– Стоп-стоп, дорогая. Не надо так, она тебе еще пригодится...

– Да? А еще кому? Эскортнице, с которой ты по вечеринкам мотаешься? И при этом, мне врешь, что не будешь иметь с ней дел!

Армен протянул руку в сторону прикроватной тумбочки, взял сигарету и, закурив, с удовольствием выпустил большую струю дыма. Плотное облако на мгновение закрыло его лицо.

– Успокойся. Я же тебе обещал, что договор не продлю. Но не забывай, он пока не закончился.

– А появляться с ней на людях – это обязательно?! Ты понимаешь, что позоришь мою репутацию?

– Репутацию нельзя опозорить, можно только ее владельца.

– Самый умный? – взвизгнула Лера и выпалила речитативом сложносочиненное ругательство.

– Фи, мадам. Вы себя вроде позиционируете нежной мамочкой и благочестивой женой, коим не пристало так выражаться, – с сарказмом произнес Армен.

У Леры от спазма снова свело бок и она, скорчившись от резкой боли, замолчала. Армен продолжал курить, наслаждаясь временной паузой.

Вдруг в тишине его квартиры отчетливо скрипнул паркет.

Лера, тоже услышав, пригляделась и заметила, что у двери, ведущей в ванную комнату, мелькнула женская фигура.

– Кто там у тебя? Она?! – грозно спросила Лера.

– Эй, твое какое дело? Я же не спрашиваю, с кем ты спишь, – теперь возмутился Армен.

– Не ори, – приглушенно произнесла Лера, оглядываясь на дверь в гардеробную.

Армен подложил под спину подушку, устроился удобнее и произнес:

– Давай, красавица, спокойно и по порядку: что произошло?

– А ты типа не знаешь! Ты же был там и даже ничего мне не сообщил!

Армен стряхнул пепел в большую, хрустальную пепельницу, которую водрузил на большой живот и сказал:

– Лерон, ты чего? Была глубокая ночь, когда этот базар начался. Я не хотел тебя будить. Да и чего ты так волнуешься? Ты видела, сколько у нее подписоты?

– Ну и что! Сколько бы ни было! Почитай каменты, там мое имя через раз – и в хвост и в гриву, – обиженно произнесла Лера.

– Да забудь ты об этом. Не обращай внимания. Когда эта Кошель начала орать, что дойдет до Лондона, все гости были уже изрядно навеселе...

– И что?! – перебила его Лера.

– А то, что большинству было пофиг, все просто поржали и забыли.

– Поржали?! Надо мной?!

Лера с силой швырнула телефон о стену. Голограмма исчезла, но из динамика продолжал доноситься голос Армена:

– Красавица, я допускаю справедливость твоего негодования. Но давай мы поступим следующим образом: я свяжусь со смешниками, пробью, как они намерены реагировать на эту тему и тогда решим, как поступить. Разрулим мы все, не очкуй. Первый раз, что ли.

Армен, имевший два высших образования и в совершенстве владеющий не только русским и армянским, но еще английским и немецким, умел ловко переходить с литературного языка на молодежный сленг, а с него – плавно на мат, который из его уст вытекал весьма аутентично.

Немного успокоившись, Лера, подняла с пола смартфон, коснулась экрана, и над ним вновь появилась голограмма Армена.

– Ладно, – согласилась она. – Но, поверь, Армеша, если через месяц, или когда там у тебя заканчивается договор с этой шмарой, ты не прекратишь с ней все отношения, будь уверен – наши тоже закончатся.

– Конечно, конечно, красавица, – дружелюбно произнес Армен и, отключив смартфон, добавил, – расторгнет она договор. Ты без меня красиво свистеть будешь только в Голограмм, а за его пределами никто тебе даже не кивнет.

Он сладко зевнул и ласково позвал в постель Инессу Придубайло, которая притаившись в туалете, внимательно прослушала весь его диалог с Лерон.

Уже на следующий день Армен сидел напротив Киры Ивановой – главного редактора программы «Звездная ночь» и обсуждал сценарий.

Выйдя из Останкино, он взял такси и отправился в модный ресторан «Centre-M», где его уже ждала Лера.

Она сидела за столиком на открытой веранде, с которой открывался живописный вид на набережную Москвы-реки. В этом году из-за аномального тепла, летние веранды стали открывать уже с середины марта.

На пятидесяти квадратах открытого пространства ресторана раскинулось, привезенное из Италии, цветочное богатство из гибискусов и бугенвиллий. В каждом углу веранды чопорно выстроились мрачные кипарисы, по народным приметам – растения-вампиры, привлекающие смерть.

За барной стойкой, выполненной из натурального камня, бармен оптимистично смешивал популярный среди посетителей смузи «Поцелуй навывлет».

За соседним столиком сидела пара иностранцев. Девушка, постоянно произносила на английском «сделай меня красиво», позируя для фото, которое ее спутник пытался делать с разных ракурсов.

Лера заказала кофе и итальянскую брускетту с пастой из лосося и скандинавских креветок. На ее смартфоне пошел вызов, и на дисплее высветилось «Марон». В этот момент Лера увидела, как из такси выходит Армен и сбросила звонок.

– Привет, красавица! – весело произнес он, на ходу заказывая сэвиче из морского петушка и кофе с чизкейком.

– Привет, чудовище, – довольно мирно ответила Лера.

Приступы гнева у нее проходили также быстро, как и начинались. Лерон и Армен были нужны друг другу, и оба сознавали это. Лере сложно давались тексты, Армен их грамотно правил, а чаще всего писал за нее. К тому же он обладал обширными связями в Останкино, где много лет проработал редактором. Платила ему Лера хорошо, а ссоры, которые она устраивала с безупречным постоянством, Армен умело гасил силой своего, закаленного в Москве, характера.

– Твой Армеша все устроил. Я же говорил, все будет окей? – произнес он довольным тоном.

– И что же устроил мой Армеша? – язвительно спросила Лера.

– Я только что из Останкино. Влад Бессмертный готов устроить баттл в своей ночной программе. Кто молодец? Я – молодец!

– Не поняла.

– Что ты не поняла? Тебя приглашают на баттл в рейтинговую программу, – спокойно, как несмышленной ученице объяснил Армен.

– Ну, не знаю. А мне это точно надо? – засомневалась Лера.

– Слушай, ты еще вчера мне мозг ела, чтобы я что-то придумал. Сейчас есть реальная возможность надрать плоский зад Кошель, а ты спрашиваешь надо ли это тебе?

– Ладно, ладно. А я там буду с ней наедине? – нервно спросила Лера.

– Нет. Вас будет четверо, молодых красивых с одной стороны. И их будет четверо, но старых и страшных, – захохотал Армен.

– Давай конкретнее, кто там будет, по именам. Когда баттл и что я должна буду там говорить.

– Вот – это уже разговор. Узнаю мою деловую Лерон. Не преживай, мы их – А: сделаем и – Б: сделаем красиво. Я уже переговорил с Марон, она дала согласие. Еще с нашей стороны будет Лика Ли, и... только не ори сейчас! – произнес Армен, подняв руки вверх.

– Что?! – воскликнула Лера. – Бон-Бон?!

Из-за соседнего столика на нее с удивлением взглянули две пары иностранных глаз.

Армену уже принесли его заказ, и он с удовольствием принялся за знаменитое перуанское блюдо. Лера с нескрываемым отвращением смотрела, как он смакует каждый кусок.

– Послушай, это условие ведущего, – наконец произнес Армен. – Кошель прошлась не только, и даже не столько по тебе, сколько по ней. Так что ее присутствие обязательно.

Лера сделала глоток кофе, слизнула с брускетты креветку и, прожевав, произнесла:

– Ладно. Только я хочу сказать то, что...

– Лер, вот скажи мне, – перебил ее Армен, – почему я, коренной армянин, владею русским лучше, чем ты?

– Блин, что я опять сказала не так?! – вскинулась Лера.

– Нельзя говорить: «я хочу сказать то, что»! Зачем вставлять «то»? – взорвался Армен. – Девочки, чему вас в русской школе учили?!

– Ты задраил меня своими нравами, – понизив тон, прошипела Лера. – Учи свой чупа-чупс!

Армен доел, закурил, сделал глоток кофе и произнес примирительно:

– Ой, да говори, как хочешь, – смирился он, – твой пиппл все схавает.

– А «пиппл схавает» – так говорить можно? – решила подколоть его Лера. – Ты же сам половину слов коверкаешь.

– Это сленг, красавица. Но ты сейчас даже не пытайся определить разницу между образованностью и современными коммуникативными особенностями. В последний раз спрашиваю: заявлять тебя? – повторил Армен.

Лера поразмышляла пару секунд и подтвердила согласие.

– Заявляй, – недовольно произнесла она.

– Умница. Значит так, я тебе сегодня пришлю возможные варианты вопросов от ваших оппоненток и разные варианты твоих ответов. Зазубри, как отче наш.

– Как что?

– Наизусть, говорю, выучи. И ничего не бойся, я буду рядом. Мы им покажем, ху из ху в новом мире Голограмм.

– Ладно. Но имей в виду, это – последний раз, когда я буду дышать одним воздухом с проституткой Бон-Бон, – пригрозила Лерон.

– Я понял, красавица, – произнес Армен, как обычно, мысленно добавив: «Тупая, необразованная стерва».

Съемку нового выпуска программы «Звездная ночь» журналист Влад Бессмертный решил провести в модном стиле «баттл». Снимали в столь же модном ресторане «Centre-M». На время съемок его закрыли от посетителей, но перед входом уже собралась толпа поклонниц, в основном – со стороны молодых глогеров.

Привыкший все контролировать самостоятельно, Влад прошел в зал, посмотрел, как расставлены камеры, проверил, как помощницы разложили на столе карточки с именами гостей и снова перечитал сценарий.

К нему подошла помощница Кира.

– Влад Александрович, все герои готовы. Можем начинать.

– Понял. Приглашай.

В зал важной поступью вошла команда дам, относящих себя к высшему свету.

Анжелла Кошель – жена мусорного короля Аркадия Кошеля, обладательница выдающихся форм и шевелюры цвета нордический блонд гордо прошла к столу, взглянула на карточки и важно опустилась в кресло.

Рядом с ней присела Наталья Волконская – жена мясного короля Андрея Волконского, от рождения – Коли Васяткина, по случаю прикупившего себе новые имя и фамилию.

С ними пришла Милана Свицких – победительница крупного конкурса красоты в далеких девяностых, а ныне – жена крупного чиновника из министерства по взаимодействию с зарубежным бизнесом. Много лет назад, прямо на подиуме, Михаилу Свицких удалось взглянуть в узкокостной, высокой Миле невыносимую тягу к прекрасному, и он в тот же день сделал ей предложение.

Милана, нацепив на пальчик трехкратный Диор и к тому моменту, изрядно устав прокалывать шпильками подиумы, сходу объявила о карьере писательницы. Авторского мастерства хватило на тонкую брошюру о личных победах и одну неудачную попытку ведения колонки в журнале красоты.

В итоге Михаил Свицких волевым решением прекратил литературные муки жены и купил ей небольшую фабрику по производству нижнего белья. Мила, с головой окунувшись в бизнес, не сразу заметила, что новые модели белья муж снимает не только с нее. Но внушительное состояние мужа, не позволило ей заговорить о разводе. Спустя годы бренд «Милая Мила» стал довольно популярен, а его хозяйка едва успевала отбивать супруга от любовниц.

Четвертой представительницей высшего света была Катарина Шиловская, жена поп-певца Максимилиана, младше ее на пятнадцать лет. Старый, во всех смыслах, муж Катаринины Шиловской, бросил ее ради юной гимнастки, великодушно оставив бывшей жене дом, часть счетов и долю в семейном шоу-бизнесе.

Вслед за компанией лакшери-герлс легкой модельной походкой вышли молодые глогеры с многомиллионными аудиториями.

Ли́ка Ли – модель нового поколения – три года назад приехала покорять Москву из Бишкека. Экзотичный разрез глаз и длинные черные волосы от нерусского папы, и идеальную фигуру от славянской мамы она успешно монетизировала в образ неглупой красавицы, не забыв прикупить диплом экономиста.

Большая часть глогаунта Лики состояла из ее фотографий в нижнем белье и бикини, в отелях или на пляжах знаменитых курортов, что автоматически вносило ее в список девушек, продающих свою «любовь» арабским шейхам, высокопоставленным чиновникам и миллиардерам из другого списка.

Неутомимые хейтеры усомнились в наличии знаний Лики в области мировой экономики и не поленились проверить диплом, с удовольствием обнаружив фальшивость ее высшего образования. Это ничуть не смутило девушку. Объявив о том, что ей все завидуют, она сделала глогаунт закрытым, успешно продолжив получать дивиденды от красоты и молодости.

Следом за ней шла более опытная, тридцатипятилетняя Инесса Придубайло, присвоившая себе в сети Голограм имя известной сосательной конфетки Бон-Бон. Именно ей жена мусорного короля Анжелла Кошель вменила недостойность ношения костюма бренда «CHUCACHU». Но в отличие от Лерон, которой костюмчик предоставили бесплатно, Бон-Бон купила его на лично заработанные деньги и была крайне возмущена словами Кошель. Инесса не любила подобные перепалки. Языком она владела искусно, но исключительно в рамках своей компетенции. А здесь надо было точно знать: где открыть рот, а где – лучше не стоит.

«Но с другой стороны, – размышляла Инесса, поглядывая на оппоненток, – правильно сказал Армен: надо на корню пресекать этот... черт забыла... презермент, что ли... Короче, надо надрать задницу этой мусорщице Кошель, чтобы в будущем никто не смел даже вякнуть в мою сторону. Надрать надо... Блин, но как-то страшно. Прямой эфир, все-таки. Ладно, Армен, сказал – надо, значит – надо. Он плохого не посоветует».

«Ничего не бойся, Инесска, – успокаивал ее Армен накануне, – я буду рядом».

Лера грозным взглядом в сторону Армена выразила свое недовольство местом в конце стола, да еще напротив Миланы Свицких, которая славилась своей скандальностью.

Скривив, накачанные за рекламу губки, Лера вытянула позвоночник в струну и грациозно присела рядом с подругой Марон.

Марон – Марина Миронова, начала свою деятельность в Голограм также как Лера, позиционируя себя идеальной женой и заботливой мамочкой. Но, родив сына известному ходокуреперу, она довела свой глогаунт до семидесяти миллионов подписчиков и бросила неверного мужа. Красиво «переобувшись», Марон принялась активно продвигать в массы тему женской независимости, втюхивая по баснословным ценам всем разведенным или недовольным семейной жизнью дамочкам, свои незамысловатые тренинги. За высосанные из пальца прописные истины и поданные под модным словом «гайд», ее в сети прозвали инфоцыганкой.

Согласно сценарию все заняли свои места, и Влад Бессмертный озвучил тему встречи.

– Милые дамы, я всех вас люблю и уважаю, – начал он, широко улыбнувшись, – и очень хочу сегодня примирить обе стороны конфликта.

Анжелла Кошель ехидно взглянула на Влада.

«Ага, конечно, знаем мы тебя. Примирить. Сейчас все расслабятся и ты, как всегда, начнешь свои провокации. Только бы не упоминал о нашем бизнесе, это будет выглядеть не комильфо. Вроде заплатили ему, чтобы промолчал, где надо. А заодно не забыл упомянуть про благотворительность нашей семьи и про балы, что мы устраиваем. Но от него всего можно ожидать. Блин, зачем я вообще на это подписалась, как бы хуже себе не сделать», – размышляла Анжелла.

Влад Бессмертный поправил очки в тонкой металлической оправе и, приняв строгое выражение лица, продолжил:

– Для тех зрителей, кто не в курсе, расскажу с чего, собственно, все началось. Безмерно уважаемая мной Анжелика Кошель кинула виртуальную перчатку вызова сразу двум популярным глогерам: Лерон и Бон-Бон. И у вас, дорогие телезрители, сейчас появится возможность рассудить, кто прав, кто виноват. А я напомним, что спонсор нашей встречи сорокалетний скотч Чивас Ригал.

Участницы уныло слушали ведущего, поглядывая друг на друга.

– Анжелика, – обратился к ней Влад, – прошу, поясни, пожалуйста, свою позицию по отношению к Инессе и Лере. Что ты имела в виду, высказывая довольно нелестное мнение о девушках?

Анжелла двумя пальцами элегантно откинула челку цвета нордический блонд и манерно произнесла:

– Я ничего не имею против Лерон, хотя мне неприятно, что ей дают бесплатно то, что я ношу за деньги, причем немалые. А вот относительно Бон-Бон – ребят, ну это треш-трешевый.

Все мы знаем, откуда она вышла и чем зарабатывает. Конечно, мне претит носить с ней одну марку одежды. А вас это как-то не смущает?

– Штооо? – вскинулась Инесса. – А вид заработка твоего мужа тебя не смущает? Мусорный король! Эти свалки его... от них дышать нечем на востоке Москвы!

– А ты переезжай жить на запад, там не пахнет. Или столько чупа-чупсов еще не насосала? Инесса покраснела, на ее лбу выступили крупные капли пота.

– Я зарабатываю на своем глогаунте! На меня работает целая команда продвиженцев, фотографов и стилистов. И я не живу на мусорные доходы какого-то импотента!

Брови Анжеллы медленно, но верно ползли вверх, а в мозгу запульсировала единственная мысль: «Откуда знает?».

– Дамы, дамы! – воскликнул Влад, не ожидавший такого накала уже на первых минутах программы. – Давайте будем уважительны друг к другу и обойдемся без оскорблений с переходом на личности. Мы же люди, как бы интеллигентные.

Интеллигентного вида Милана Свицких решила заступиться за подругу:

– Бон-Бон, дорогая, а ты вообще себя со стороны слышишь? Ты же двух слов связать не можешь, а пытаешься в споре с умными и взрослыми людьми тягаться. Нет, вы только послушайте: чупа-чупс! Ха-ха-ха. Языком, говорят, ты владеешь безукоризненно. Но открою тебе секрет: твой язычок и светский язык – темы разные.

Анжелла снова напряглась, услышав фразу про суперспособности Инессы.

Под взглядом Армена, который стоял рядом с фронтальной камерой, Инесса усилием воли притушила возмущение и спокойно произнесла:

– Хорошо. Значит, Вы – умная и взрослая, считаете, что я не достойна носить Чукачу. Окей. А чем же Вы лучше меня?

В отличие от глогера Инессы Придубайло, Милану не готовил к съемке личный пиарщик, и к такому повороту она явно была не готова.

– Я? – растерянно произнесла она. – Да я лучше тебя по всему...

– Можно конкретнее? – спросила Инесса под одобрительный кивок Армена.

– Я лучше тебя, хотя бы потому, что я не состою на всем известной бирже шкур и не участвовала в шоу «Дом любви». Я лучше тебя хотя бы потому, что у меня есть официальный муж, а тебя уже никто приличный замуж не возьмет. От слова – никогда. Я лучше тебя хотя бы потому, что вокруг меня достойные подруги, с которыми мы посещаем балы. Я лучше тебя...

Поняв, что перечисление может затянуться до утра, Влад решил приостановить этот поток заслуг.

– Милана, дорогая, прошу прощения, что перебиваю. Но мы договорились, что не станем переходить на личности. Инесса, скорее всего, хотела сказать, что она на свои деньги покупает вещи этого бренда и поэтому может носить их где хочет, и когда хочет. Запретить нельзя.

– Официально запретить нельзя, к моему великому сожалению, – согласилась Милана. – Но приглашать таких как Бон-Бон на светские мероприятия – это уж, извиняйте, за гранью добра и зла.

– Дорогая, но ты должна понимать, что такие решения принимает исключительно сам бренд. Какое отношение к этому имеет Инесса?

Милана махнула рукой и, демонстрируя абсурдность обсуждаемой ситуации, выразительно закатила глаза, ярко подведенные синим карандашом.

Влад Бессмертный взглянул на помощницу и произнес:

– Друзья мои, напоминаю, что спонсор программы сорокалетний шотландский виски Чивас Ригал. Предлагаю почувствовать неповторимость его вкуса.

В зал вошел официант, чтобы наполнить бокалы.

– Мне разбавьте, пожалуйста, – попросила Милана, на что Марон отвесила ей презрительную ухмылку.

Когда официант вышел, красиво заложив руку за спину, Армен дал знак Лере и та, мило улыбнувшись, обратилась к сидящим напротив дамам:

– Женщины, вот вы говорите о какой-то своей светской жизни. Ну, правда, ну смешно. В вас аристократизма не больше, чем в дворнягах. Зачем что-то придумывать? Вы живете в своем мире, мы – в своем, более продвинутом. И вас не должно задевать то, что мы являемся энц... инф... энфли...

«На этом месте должна быть реклама, – прикрыв рот, готовый растянуться в улыбке, подумал Влад. – Но у нас прямой эфир».

– Лерочка, ты имела в виду инфлюенсер? – пришел он на помощь.

– Да! Точно! Блин, все время забываю это чертово слово, – захохотала Лера, пытаясь сгладить неловкость ситуации.

Армен прикрыл ладонью глаза. Учили-учили и толку ноль.

– Ничего, Лерочка, бывает, – снисходительно произнесла Анжелла.

В этот момент Марон поднялась и медленно обошла длинный овальный стол. Подойдя почти вплотную к Анжелле Кошель, она сняла свой жакет и сунула внутреннюю этикетку с лейблом еще более дорогой марки, чем «CHUCASCHU», ей прямо под нос.

– Смотри! Этот пиджак стоит дороже, чем весь твой прикид. А свой глован последней модели я принесла в сумочке, которая рядом не лежала с твоей сраной косметичкой из прошлогодней коллекции. В отличие от тебя и, кстати, от Лики Ли – у меня настоящий диплом МГУ по специализации «Мировая экономика» и я отличаю фьючерсы от каперсов, а также знаю, что сорокалетний скотч не разбавляют!

Она вернулась на свое место, на ходу добавив:

– И – да: я зарабатываю на своем Голограм, на своих авторских и очень востребованных тренингах. Я не торгую звездой, я своими мозгами зарабатываю миллионы, поэтому меня интересно не только смотреть, но читать и слушать. И, кстати, чтобы быть успешной мне не нужен муж. Ни мясной, ни, тем более, мусорный король.

Лица, услышав фразу про диплом, обиженно поджала губки. Ведь они заранее договорились, что станут поддерживать друг друга.

Милана Свицких коротко хохотнула и, подняв вверх наманикюренный пальчик, произнесла:

– Конечно, муж ей теперь не нужен. А зачем? Сейчас можно и без него, когда так хорошо поднялась на славе всем известного репера. Теперь смело можно от него откреститься. Кстати, в узких кругах он говорил, что ты диплом свой вузовский получила благодаря профессору, престарелому любителю студенток. Учиться надо было, деточка. Может тогда тебя за глаза не называли бы инфоцыганкой!

Марон едва справилась с желанием вцепиться в начес на макушке Милы. Но она хорошо помнила, кто ее муж и умела во время остановиться.

– Мила, у меня к тебе вообще нет претензий. Я с тобой хоть завтра готова сделать совместную сессию, – сказала она и, не сдержавшись, добавила, – может после этого мизерное количество твоих подписчиков в Голограмкратно увеличится.

– А мне их количество по барабану! – незамедлительно отреагировала Милана. – Тот случай, когда качество значит больше, чем количество. Это тебе не бесполезные пустышки-тренинги втюхивать. Мое нижнее белье продается и без вашего Голограм, их рекламируют модели высочайшего уровня.

– Ну да, ну да, – усмехнулась Марон, взглянув на Лику.

Лица Ли, за время дебатов не проронившая ни единого слова, на фоне этих базарных диалогов выглядела наиболее выгодно. Полгода назад она подписала контракт на рекламу нижнего белья «Милая Мила». Но после того, как Милана Свицких застала своего мужа за отпра-

кой похотливых сообщений Лике, контракт разорвали, а от модели под угрозой судебных тяжб потребовали удалить все фотографии в белье этого бренда.

Влад тоже взглянул на Лику и залюбовался.

Ее экзотическая красота завораживала. Высокие скулы, сочные, как спелые вишни губы, которые редко смыкались, придавая лицу выражение незащитной сексуальности, безукоризненная осанка, скромно зачесанные волосы и костюм, напоминающий форму студентки Кембриджа, все это было так мило, что даже оппонентки по другую сторону стола ни разу не попытались ее задеть.

Катарина Шиловская также, молча наблюдавшая за перепалкой своих и чужих, решила принять выгодную позицию – ни вашим, ни нашим.

– Друзья, – произнесла она картаво, – мы все здесь говорим об одном и том же. Зачем ссориться, право...

Услышав последнее слово, Марон усмехнулась:

– «Право»! Еще одна из рода Рюриков. Открою секрет: от того, что Вы мадам Шиловская сервируете свои завтраки на серебряной посуде, а сливки наливаете в кувшины а-ля шестнадцатый век, не делает Вас аристократкой. Правильно сказала Лерон – аристократизма во всех вас не больше, чем в московских дворянках. Аристократкой надо родиться, и кувшины в этом не помогут.

Лера поймала взгляд Армена и добавила с трудом заученную фразу:

– Так же, как никакие связи не помогут сделать ножку маленькой, а душу большой.

– Дамы, и все-таки, зачем нам ссориться? – примирительно произнес Влад. – Давайте признаемся друг другу и себе лично: мы все здесь – потомки рабочих и крестьян. Голубых кровей среди нас нет. Но это никак не умаляет иных наших достоинств. И еще, надо понимать, что мир, действительно, меняется. Кому-то очень комфортно в современных реалиях Голограм, а кому-то все еще нужны балы, шифоновые платья в пол и добрые старые бренды. Но бренды тоже хотят жить богато и понимают, что российская реклама их костюмов на Лерон или Бон-Бон, пройдет на многомиллионную аудиторию. Им это важно. А если вам не нравится такой ход любимого бренда, вы можете ответить ему просто – перестав покупать. И возможно тогда, он будет давать его бесплатно и вам.

– Я в этом не нуждаюсь. Я сама в состоянии заплатить, – проворчала Милана.

В воздухе повис слабый запах перемирия.

Влад Бессмертный, предложив выпить скотча, произнес рекламный текст, после чего дал слово Наталье Волконской. По сценарию – каждая участница поединка должна была озвучить свою претензию другой стороне.

– Девочки, а вот лично мне не нравится, что вы все, словно на одно лицо. Одинаково нарощенные шторки-ресницы и волосы, одинаковой формы рисованные брови, одинаково сделанные губки, грудь, носы. Словно поработал один и тот же хирург, – произнесла Наташа заученную фразу.

– А ты типа без пластики? – парировала Лерон.

Наташа, ничуть не смутившись, ответила:

– Конечно, без. Я еще слишком молода для пластики.

– Ты, разменявшая пятый десяток – молода? – засмеялась Лерон. – А ты, Милана, может тоже вся натурель? Ой, стоп. Я поняла! Вы обе пьете кровь молодых ягнят, пока ваши мужья попивают кровь юных овечек.

– Кто и что попивает, вообще не твое дело, – выкрикнула Милана. – Следи за своим мужем-паразитом.

– Да у моего мужа глогант круче твоего в миллион раз! – парировала Лерон.

– А почему на него подписываются, ты типа не в курсе? – не сдавалась Мила. – Я тебе расскажу: потому что хотят посмотреть на лоха, чья жена ежедневно выкладывает в сеть голый зад,

рекламируя своим кроликам массажные щеточки и фейковую сыворотку молодости. Стыдно должно быть за такого мужа, Лерочка, да и за себя – тоже. Ведь эти твои программы по устранению морщин...

– Это называется фейсбилдинг, чтоб тебе было известно, – язвительно перебила ее Лера.

– Твоему фейсу, Лерочка, обколотому ботексом и накачанному филлерами, точно уже никакой билдинг не нужен. Дуришь своих подписчиков, Лерон, ой дуришь, – довольно завершила победоносную речь Мила, сделав глоток разбавленного скотча.

В этот момент Лера не нашла ничего лучшего, как схватить свой бокал и плеснуть виски прямо в лицо Миле.

Та не сразу поняла, что произошло и почему ресницы, накрашенные по старинке тушью, плавно стекают по щекам, а на белой блузе расплывается коричневое пятно. Но когда до нее дошел весь позор ситуации, она выдала такую струю отборного мата, что редактор едва успевал «запикивать», а ведущий в срочном порядке принял решение закончить программу.

– На этом я объявляю нашу встречу завершённой. Выбор победителя – как всегда за вами, дорогие зрители. Ждем ваших решений, голосуйте. Всем спасибо, все свободны!

Произнеся свою традиционную фразу, Влад дал отмашку выключить камеры и сказал:

– Да, девочки, дали вы жару. Эта программа точно выйдет в лидеры по просмотрам.

А в социальной сети, под сохраненной записью прямого эфира уже сыпались комментарии зрителей:

– Stalina-na-vas-net: Товарищ, мир сошел с ума. Куда мы катимся с такими нравами?!

– Alena-Piter: Какая дичь! Неужели эти женщины всерьез обсуждали, кому можно носить этот ссанный бренд, а кому нет? Один костюм от этого Чукачу стоит, как машина российского автопрома. Уму непостижимо! Кто-то изобретает вакцину от вируса, кто-то пишет исторический роман, полстраны живет от зарплаты до зарплаты или на нищенскую пенсию, а кто-то расстраивается из-за того, что, по их мнению, недостойные личности носят Чукачу.

– Very-glog: Да у них всех давно – чукачу головного мозга. Так рубиться из-за какой-то марки! Чудовищно!

– Krasota-spaset-mir: Bravo! Хоть кто-то сбил спесь с этой высокомерной Лерон. Совсем заигралась.

– Mama-doma: Я посмотрела. Я в шоке. И это – лидеры общественного мнения?! Выговорить слово «инфлюенсер» не в состоянии. А на них равняется молодежь, их копируют, к ним прислушиваются. Базарные тетki, что с той, что с другой стороны. Только Лика Ли выглядела более-менее достойно и то, потому что молчала. Правильно говорят: промолчишь – сойдешь за умную.

– A-mne-vse-pofig: А мне понравился баттл. Я поржал. Главное в таких шоу – запастись попкорном.

– Kino-sreda: Отписываюсь от всех, кто участвовал в этом безобразии. В том числе от ведущего.

– Protiv-vsex: Плюсюю. Как же они достали, эти глогерши и их мужья-паразиты, не желающие работать, а также подписчики, добровольно принявшие правила игры. Готовы исполнить все, что им продиктуют, как кролики – за морковку.

– Prosto-dama: Я вообще удивляюсь – кто на них подписывается? Это же чистой воды развод. Сегодня им платит молочный бренд – они рекламируют творожки. Завтра – перестали платить, они начали пропагандировать отказ от молочки. Продажные шкуры.

– Mama-doma: В точку! Еще недавно Лерон и ее муж рекламировали дорогие курсы английского, уверяя, что планируют уехать на пмж в Лондон. Потом им заплатили за рекламу курсов итальянского, и они стали писать, что передумали и, скорее всего, поедут жить в Рим.

– Lapka: Вы все завистники. Зовидуете чужому успеху и богатству.

– Prosto-dama: Вот и кролики прискакали. Научись сначала слово «завидовать» писать грамотно.

– Satana001: А меня радуют эти люди-глогеры. Все напоказ, все за бабки. Легко и красиво, с цинизмом по жизни. Один сплошной, большой фейк. Все, как я люблю.

Как только Фомин вырулил с парковки Управления, Олег опустил на глаза темные очки и для убедительности надвинул ниже бейсболку, дав понять, что планирует подремать.

Егор позвонил криминалисту Разумилкову и предложил ехать вместе. Но тот уже отправился в Юсуповский на своей машине, сообщив, что водолазы на месте и готовы работать.

Фомин забил в навигаторе адрес московской квартиры Полянских. Не став будить Фатрушева, он побеседовал с консьержкой. Тучная пожилая женщина сообщила, что утром няня с детьми уехала на такси, и ее лицо было заплаканным. На вопрос: что случилось, ничего не ответила. Во сколько вчера Полянский привез детей, консьержка не знала. У нее был выходной, и на посту никто не дежурил.

Егор вернулся в машину. Олег сидел в той же позе, склонив голову к стеклу. Щетина покрыла его щеки, губы были напряженно поджаты, указательный палец правой руки в следах от шариковой ручки.

«Пусть поспит. Ночка у него выдалась не самая легкая», – подумал Егор.

Вскоре за окном замелькали пейзажи весеннего Подмоскovie. Как только дорога пошла лесом, Егор выключил кондиционер, опустил стекло и с удовольствием вдохнул воздух, наполненный свежестью молодой листвы. Очень раннюю весну Фомин не любил. Время, когда под ногами еще хлюпает и чавкает смесь из снега и реагентов, а природа словно размышляет – дать ей еще зимы или все-таки уйти в другую сторону. То ли дело сейчас – конец апреля. Тут уже нет сомнений – лету быть, не обманешь.

Егор взглянул на, проложенный навигатором маршрут и свернул с трассы на дорогу, ведущую к поселку.

«Скоро – майские, – продолжал размышлять Егор. – Накроем в саду стол. Рита испечет большой пирог и сделает «мимозу». Не забыть бы Олега пригласить с семьей. Надо, наконец, разобраться, что с ним происходит. Никогда таким не видел».

Они подъехали к коттеджному поселку Юсуповский. Путь преградил шлагбаум. Слева от него пристроился срубовой домик с небольшим окном. Фомин выждал минуту и посигналил.

Олег приподнял очки и, зевнув, спросил:

– Приехали?

– Похоже. Ты вчера как здесь проезжал?

Олег потер воспаленные глаза.

– Черть-его знает, не помню. Вроде все открыто было.

Из окна, наконец, показалась голова в армейской фуражке, из-под которой выбивались пряди седых, давно нечесанных волос.

– Вы х кому? – грозно спросил седовласый.

– К Полянским, – ответил Егор, издали показав удостоверение.

Голова в фуражке скрылась.

Фомин, не выдержав, снова дал серию сигналов.

– Иду, иду, – раздался ворчливый голос и из дома, на удивление бодро выскочил невысокий старичок в камуфляжной одежде.

– К Полянским запрещено пускать, – сообщил он. – Тут такое нашествие из-за них, не успеваем отбиваться. Как тараканы лезут во все щели. Я их через этот пост не пускаю, так они с озера пытаются пробраться, черти....

Затянув на штанах ремень, он достал из нагрудного кармана очки и, водрузив их на крючковатый нос, подошел ближе к окну машины.

На Фомина обрушился запах пота и ядреного табака.

– Не расслышал, кто вы?

Фомин, отвернув лицо, снова показал деду удостоверение.

С этого момента тщедушного охранника словно подменили.

Он резко выпрямился, и Егору показалось, что тот сейчас возьмет под козырек.

– Ехай прямо, до конца проезда. Дом в самом тупике, ваши – уже на озере, – отчеканил старик, сопровождая речь активной жестикуляцией.

– Спасибо.

– Рад стараться, – улыбнулся дед.

Несколько секунд он продолжал стоять рядом с машиной, пока не вспомнил, что нужно поднять шлагбаум. Метнувшись обратно в дом, он вылез по пояс из окна и, взмахнув рукой, прокричал «Поехали!».

– Забавный кадр. Ты опросил его? – спросил Егор.

Олег движением руки скинул на колени бейсболку и раздраженно ответил:

– Нет, не опросил. И может, хватить меня гнобить? Сначала Савельев, теперь ты подхватил?

– А ты считаешь, не справедливо? – хмуро произнес Егор.

– Считаю, что уже хватит. Да, я спешно провел вчерашний осмотр и плохо допросил свидетелей. Убейте меня теперь!

– Надеюсь, не придется, – спокойно сказал Фомин, остановив машину за пару домов до тупика.

Дом Полянских стоял на участке, так называемой первой линии. За кованой решеткой тупикового забора открывался шикарный вид на озеро. На берегу стояли три машины, включая автомобиль Разумилова. Из воды периодически выходили водолазы, сбрасывая на песок добычу.

Егор нажал на ручку калитки. Дверца подалась и кроме глади озера, Фомин увидел дорогу, уходящую вправо. Открыв в смартфоне геолокацию, он рассмотрел карту местности. Дорога от озера выходила на основную, с которой они только что въехали в поселок.

Вернувшись обратно, Фомин застал Олега, рассматривающего скомканный ватман, лежащий у дома.

– «Смерть живодерам», – прочитал Фатрушев. – Вчера этого вроде не было.

– Водолазы уже на месте, – сообщил Фомин. – Ты с участковым вчера общался? – спросил Егор.

– Да, он присутствовал при осмотре. Сказал – скандальный дом, вечно у них что-то случилось.

Забор, ограждающий участок вокруг дома, был сделан из красного кирпича, с вставкой из широких, металлических ворот.

Фатрушев указал на дверь справа. Фомин нажал на звонок. Через секунду из микрофона послышался женский голос:

– Вам кого?

– Полянского Александра Яковлевича.

Шорох, звук шагов и снова вопрос, уже мужским голосом:

– Вы кто?

– Сотрудники Управления по расследованию особо важных преступлений.

Домофон затих, но раздался щелчок открывшейся двери.

Фомин и Фатрушев прошли на территорию и огляделись. Красивый, ухоженный участок. Кованые скамейки, альпийские горки и много цветов в больших вазонах.

Дверь дома открылась, и на пороге появился мужчина среднего роста. Его фигура была далека от идеальной, но общий вид создавал приятное впечатление. У него были карие, слегка на выкате глаза, яркие губы и чисто выбритые пухлые щеки. Волнистые волосы красиво уложены, одет продуманно и со вкусом. На белоснежную рубашку с аккуратно отогнутыми манжетами накинута джинсовая жилетка. Отутюженные серые брюки, галстук и бархатные красные мокасины демонстрировали выверенный стиль владельца.

Егор представился.

– Полянский. Александр, – произнес мужчина в ответ и манерно повел рукой, приглашая войти в дом.

Указав на машинку с бахилами, он добавил:

– Можете воспользоваться.

В большой гостиной с витражными мозаичными окнами, пропускавшими немного света, царил идеальный порядок. Даже человеку, не сильно осведомленному в интерьерных вопросах, было ясно, что владельцы дома сильно тяготели к английскому стилю. Но опытный дизайнер сразу бы отметил, что стилевой завершенности во время ремонта достичь, все-таки, не удалось. Много мрамора и натурального дерева, но плинтуса выполнены из пластика, а ткань на стенах с традиционным английским рисунком выглядела дешево и сильно морщинила в углах. Много лепнины, но не гипсовой, как полагается, а из более дешевого полиуретана. Высокие потолки отделаны дорогой мозаикой, но балки в перекрытиях – не деревянные, а из прессованного картона. Портьеры, которые должны быть выполнены из тяжелых, солидных материалов, явно грешили в сторону более облегченных заменителей.

Вот на мебель хозяева не скупилась. Деревянные стулья с высокими спинками красиво обрамляли огромный стол на кованых ногах, сделанный в едином стиле с перилами мраморной лестницы, ведущей на второй этаж. Правда, на диване, похоже, снова сэкономили. Из-под парчового чехла предательски выглядывала дешевая плюшевая обивка.

Полянский развел руки в стороны и горько вздохнул.

– Вот, собственно, так. Такая, короче, у нас беда...

Он растерянно смотрел на непрошенных гостей.

– Вы позволите нам осмотреть дом? – спросил Фомин.

– Смотрите, раз надо. А, может быть, сначала кофе или чай? – вежливо предложил Полянский.

– Кофе – это хорошо, – громко произнес Фатрушев, с размаху бесцеремонно плюхнувшись на пышный диван.

Полянский вопросительно взглянул на Фомина.

– Спасибо, – произнес Егор.

– Спасибо – да, или...? – уточнил хозяин дома.

– Да, – ответил Фомин.

Полянский прошел в кухню, соединенную с гостиной раздвижной дверью и включил кофе-машину.

Оглядевшись, Фомин подошел к высокому камину, на котором выстроились статуэтки, мраморный бюст английской королевы и несколько шкатулок. В центре – большое фото, на котором Лера Полянская в полный рост застыла у пальмы в акробатической позе головой вниз. В углу рамы, инкрустированной стразами, неловко пристроилась тонкая черная ленточка, напоминающая о печальном событии.

«Странный выбор для ритуального фото», – подумал Фомин.

Он взглянул на балкон второго этажа, пытаясь определить, где находится обладатель женского голоса. Фатрушев, перехватив его взгляд, поднялся с дивана и принялся неслышно подниматься по лестнице.

Егор тихо прошел к кухонной зоне и остановился у входа, незамеченный хозяином дома. Полянский, аккуратно скрутив валиком алые салфетки, положил их на край стола и принялся расставлять на подносе фарфоровые чашки. Сделав шаг назад, он задумчиво взглянул на композицию и, подумав, добавил плетеную вазочку с разноцветными пирожными.

Егор легонько постучал по красному дереву, которым была обита стена кухни. Полянский вздрогнул.

– Не помешал? – улыбнувшись, поинтересовался Фомин.

– Да нет, у меня уже все готово. Вот только сахар найду. Вы же, наверное, с обычным пьете? – Решил уточнить он.

– А бывает не обычный? – улыбнулся Фомин.

– Дааа! Масса!

Полянский принялся на иностранный манер – не загибать, а отгибать пухлые пальцы.

– И тростниковый, и стеклянный, и заменители: фруктоза и дынный сахар, ксилит и сорбит...

Заметив на лице Фомина признаки скуки, Полянский остановил перечисление.

– Короче, я все рецепты делаю на заменителях. И обычный сахар мы не держим. У нас его никто не употребляет, – говорил Полянский, продолжая копаться в ящиках.

Фомин наблюдал за движениями хозяина дома.

Вдруг Полянский громко воскликнул:

– Нашел!

Он достал бумажный пакет, ловко отсыпал белый песок в сахарницу и удачно пристроил ее на поднос. Егору подумалось, что вся эта возня с кофейной сервировкой Полянскому намного важнее, чем трагическое событие, по поводу которого он сейчас вынужден принимать гостей.

Александр подхватил широкий серебряный поднос и направился в гостиную. Егор вежливо уступил ему дорогу, пропустив вперед.

– Расскажите, пожалуйста, еще раз: с момента, как Вы подъехали к поселку, что происходило? – попросил Фомин, следуя за хозяином дома.

– С момента, как проехал шлагбаум? – уточнил Полянский.

– Да. Постарайтесь вспомнить, может, что-то подозрительное показалось Вам возле дома и в самом доме. И далее: что Вы видели-слышали, когда вошли в дом и как обнаружили труп.

На слове труп Полянский начал икать и кашлять и едва не упустил из рук поднос. Егору захотелось постучать по его круглой, немного сутулой спине, но он воздержался.

– Я же вчера все рассказал Вашему коллеге, – произнес он голосом, готовым сорваться на слезы. – Зачем вы меня мучаете?

– Извините, такая работа, – сказал Егор, на ходу открывая папку с протоколом.

Полянский повернулся, покосился на записи и, вздохнув, почти слово в слово повторил вчерашние показания.

– Ясно, – произнес Фомин. – А какие у Вас отношения с родителями жены?

Полянский, не повернувшись, быстро ответил:

– Вообще никаких. Они умерли несколько лет назад. Спились. Там, короче, почти все пьют в этой глубинке.

– Глубинка – это где? – поинтересовался Егор, следуя за ним.

– Под Самарой. Поселок Волжский... или Заволжский. Простите, не помню. Мне это незачем.

– То есть вы с ними знакомы не были?

– Нет, не был, – сказал Полянский, входя в гостиную.

Оглядевшись, он застыл с подносом в руках, не обнаружив присутствия второго гостя. С обиженным выражением лица Полянский поставил поднос на стол и принялся перекладывать сначала салфетки, а следом аккуратно переставлять кофейные пары.

- Мой коллега пошел на поиски туалета, – пояснил Фомин.
- Могли бы просто спросить, кто еще в доме, – проворчал Полянский.
- Кто еще в доме? – дружелюбно улыбнулся Фомин.
- Няня. Наверху, в детской укладывает детей.
- Когда она вернулась в дом?
- Сегодня утром, на такси, – ответил Полянский.
- Вы ночью с ней созванивались?

Полянский секунду помедлил и ответил:

– Конечно. Она спросила, надо ли ей приехать? Я сказал, не надо, детям тут сейчас не место.

Он снова прошел в кухню и вернулся, держа в руках красивый кофейник с длинным носиком.

– Послушайте, – произнес он недовольным голосом, – полночи ваши коллеги находились здесь, все осмотрели. Вы, что, не можете свои следственные эксперименты проводить не в нашем доме и не при моих детях?

– Не эксперименты, а следственные мероприятия, – поправил его Фомин и добавил, – к сожалению, не можем. Нам не хотелось сегодня вызывать вас в отдел, учитывая ситуацию. Но понадобилось еще раз осмотреть место преступления. Для прояснения дополнительных обстоятельств.

На последнем слове Полянский округлил и без того крупные глаза:

- Каких обстоятельств?
- Дополнительных, – коротко ответил Фомин.
- Да, пожалуйста, я готов, если надо. Только я почти ничего не помню, – развел руками Полянский.

– Со вчерашнего дня забыли?

– Так бывает. От шока. Короче, когда сильно расстраиваюсь я потом плохо все помню. Фомин смотрел на него и думал: играет или правда такой летящий?

– Кофе мы выпьем чуть позже, а сейчас будьте добры, покажите и расскажите, что заметили, когда вошли в дом.

- Так остынет же, – искренне удивился Полянский.
- Простите? – не понял Фомин.
- Так кофе... остынет же, – пояснил Александр.
- Не страшно, – сказал Егор. – Что заметили, входя в дом?
- Что дверь была открыта. Уходя, я запираю ее на ключ. Егор сделал отметку в протоколе.
- Дальше.
- Дальше я прошел на кухню, надел фартук.
- Какие-то необычные звуки в доме, слышали?
- Было слышно, что играет музыка. Негромко.
- Как Вы поняли, что с женой случилась беда?
- Мне позвонила Марон. Марина Миронова, подруга Леры.
- Что она сказала? Постарайтесь дословно.

Полянский задумчиво прихватил двумя пальцами подбородок и ответил:

– Она спросила: «Шурик, это что – такой розыгрыш»? Я сначала не понял. Тогда она задала другой вопрос: «А где Лера?». Я ответил: «Наверное, в ванной, проводит розыгрыш». И тогда Марон замолчала.

Егор попросил Полянского открыть в смартфоне журнал звонков. Время входящего от абонента «Марон» совпадало с его показаниями.

– Правильно я Вас понимаю, что реакция Марины Мироновой была спокойной?

– Ну, как сказать. Минуту она молчала, потом сказала, чтобы я прошел в ванную. Тревожно так сказала.

– И...?

– И я пошел.

– Покажите, как Вы шли к ванной комнате, – попросил Егор.

– Той самой? – почти шепотом уточнил Полянский.

– Той самой, – в тон ему ответил Егор. – У вас их сколько?

– Ваннх комнат у нас пять, – продолжал полусшепотом говорить Полянский. – Одна из них здесь, на первом этаже. Та самая.

Александр указал на широкую дверь красного дерева, ведущую из гостиной. Теперь он пропустил вперед Фомина, словно не желал прикасаться к опечатанной двери, за которой накануне убили его жену.

Пот тонкими струйками тек по полным щекам Полянского, но сейчас он не замечал этого. По его глазам было видно, что он заново переживает события вчерашнего вечера. Руки его дрожали, а уголки губ медленно ползли вниз.

Егор уверенным движением оторвал бумагу с печатью и нажал на массивную ручку из желтого металла. Перед ним открылась огромная ванная комната, в которой витал горький запах жженой кожи.

Стены, нетрадиционно для мокрого помещения, были обиты корабельной доской. Лишь пространство вокруг самой ванной отделано плиткой в цвет желтого золота.

Все оставалось на тех же местах, как было описано в протоколе. В воде грязно-серого цвета, плавал черный лепесток. Егор пригляделся.

– Это патч, – пояснил Александр, продолжая стоять возле двери.

– Что? – не понял Фомин.

– Патч, – повторил Полянский. – Под глаза. Чтобы не было отеков.

– Ясно. – Произнес Егор.

Полянский добавил:

– Лера здесь часто снимала свои глоги, ей очень нравился чудесный вид на сад.

Фомин присел перед ванной, пытаясь понять, что будет видно, исходя из этого положения. На чугунной глади джакузи он заметил след от круглого предмета. Егор заглянул в протокол.

«На углу ванной стоит бокал с красной жидкостью».

Вид на сад был действительно великолепен. Широкие стеклянные двери открывали большую часть территории участка и калитку, встроенную в забор. Со стороны озера Фомин ее не заметил.

Он попытался нажать на ручку двери, но безуспешно.

– Как это работает? – спросил он Полянского.

– Длинным нажатием и резким движением в правую сторону, – ответил Александр, по-прежнему не желая проходить дальше.

– Двери открываются только с этой стороны?

– Если захлопнуть, то только с этой. Короче, если не захлопнуто, то можно войти и со стороны сада.

Несмотря на лохотный вид и попытки выглядеть и вести себя аристократично, слова паразиты сыпались из него как горох из рваного мешка, выдавая отсутствие всякой связи с аристократией.

Егор пробежал глазами по записям в протоколе.

– Итак, продолжим, – сказал он. – Вы подошли к двери в ванную. Она была открытой?

– Да, – слегка осипшим голосом ответил Полянский.

– Сейчас, пожалуйста, соберитесь, Александр.

Полянский, следуя просьбе Фомина, выпрямил спину и втянул живот.

– Что в этот момент бросилось Вам в глаза в первую очередь? Прямо сразу, как только Вы вошли и до того момента, как увидели тело жены, – задал следующий вопрос Егор, гуманно заменив слово труп.

Полянский устремил глаза в потолок, потом прикрыл их на пару секунд и ответил:

– Перед входом я ничего необычного не заметил. Ну, разве что, свет был выключен. Потом, как оказалось, выбило пробки на этом участке. А когда я вошел... сначала увидел пустой штатив. На нем не было ни телефона, ни камеры. А потом..., потом я увидел Леру...

На этих словах Полянский потерял самообладание и принялся сначала тихо всхлипывать, постепенно переходя на рыдания. Он, то закрывал руками все лицо, то прикрывал только рот, то запускал пальцы в волосы, зажимая виски.

Егор хладнокровно наблюдал за ним, пытаясь отыскать ноты фальши, о которых на оперативке говорил Фатрушев.

Полянский с трудом успокоился, но его пальцы и губы продолжали подрагивать.

– Извините, что мне приходится снова заставлять Вас переживать увиденное, но наша задача найти убийцу, и я очень надеюсь, что Вы нам поможете.

Александр всхлипнул и согласно кивнул головой.

– Пожалуйста, продолжайте, – попросил Егор.

– Потом я увидел Леру, – высморкавшись в бумажный носовой платок, продолжил Александр. – Она не двигалась. Мне стало страшно. Я понял, что произошло что-то ужасное. Мой телефон уже разрывался от сообщений и звонков. Мне было очень страшно.

– Вам было страшно, – повторил Егор, – это я понял. А дальше что?

– Я подошел к ней, дотронулся до руки и она съехала. Соскользнула с края ванны и повисла плетью... И она была совсем безжизненной...

Глаза Полянского снова наполнились слезами.

– О чем Вы подумали в этот момент? – спросил Егор.

– Я подумал, что это несчастный случай, что она случайно разбила фен и схватилась за оголенный провод...

– Самоубийство? – подсказал Фомин.

– Так я подумал вначале. Но потом открыл Голограм, посмотрел ее прямой эфир и все понял...

– Поняли что?

– Что она не сама, что это убийство, и убийца, возможно, еще находится в доме.

– А за окнами в этот момент происходило что-то необычное? Какое-то движение?

– Движения не было, – неожиданно твердо произнес Полянский.

– Вчера при первом осмотре Вы сказали, что двери в сад были закрыты. Подтверждаете сказанное?

– Не совсем, – ответил он, задумчиво. – Вчера я был, как бы уверен, что все двери и окна были закрыты, а сегодня вспомнил, что вот эта дверь справа, вроде была приоткрыта...

– Вот эта? – указал Фомин рукой.

– Да! – оживился Полянский, – точно. Я вспомнил! Мне стало дурно от запаха, ну Вы понимаете, я подошел, хотел впустить воздуха и позвать на помощь, а дверь уже была приоткрыта...

– Вчера не помнили, а сегодня вспомнили?

– Да, – Полянский развел руки в стороны. – Просто я вспомнил, что вчера она как-то легко подалась, когда я хотел ее открыть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.